

И. А. ИЛЬИН

<Рец. на кн.:> Карсавин Л. Диалоги

«Обелиск». Берлин, 1923. 112 с.

В назидание потомству книжка увековечивает два диалога. Первый озаглавлен: «Об основных свойствах русского народа и царственном единстве добродетелей» и помечен «Петербург, 1920 г.». Второй озаглавлен: «О прогрессе и социализме» и помечен «1922. XII. 12».

Из самого текста первого диалога видно, что главному участнику его присуща манера говорить о Боге, о добре и зле, о тайнстве и молитве с какой-то «постоянной полуулыбочкой» (с. 8), «поселяющей в читателе подозрение, что автор издевается над самой темой» (с. 8), и притом именно «над нею самою, а не только над формою ее выражения» (с. 11). Оказывается, что эта отвратительная и неприличная манера присуща не только герою диалога, но и всему русскому народу и что проистекает она из присущей ему «стыдливости, или стыдливой сдержанности», которая порождает «неумение наше спокойно и серьезно говорить о возвышенном» (с. 10). Русскому человеку, поясняет герой диалога, свойственно ощущать неполноту своего религиозного познания, растеривать от этого свой пафос, негодовать на свое бессилие, а иногда и без негодования восстанавливать «гармонию душевного бытия» улыбкой (с. 17). Эту «стыдливость» можно преодолеть только религиозным «исступлением», которое всегда преодолевает стыд (с. 19). Но к исступлению способен не всякий; тогда к «стыдливости» примешивается «лень» (лѣнь), улыбочка начинает относиться к самому Богу и становится «окончательным актом мысли и жизни» (с. 17—27). Отсюда возникает и «Богоборчество» (с. 18), и дикий безумный смех (с. 23), и боевое бесстыдство (с. 27). Герой диалога ссылается на «камаринского мужика, подергивающего штанишечки», называет и Федора Карамазова (с. 22); но всячески отстаивает

вает свой тезис, что «наша» (?! — *Рец.*) «усмешечка и ужимка» есть «особый вид Богопочитания» (с. 10). Вслед за тем начинаются длинные, отвлеченно-конструктивные рассуждения этико-теософского характера, с цитатами из Франциска Ассизского и блаженной Анджелы¹; эти рассуждения героя сами собеседники его характеризуют как «чрево вещание» (с. 21, 23). Но герой чувствует себя «мистагогом» (с. 24). Резвясь и хихикая, он договаривается до «злого блага» и «злого смирения» (с. 39); он стремится показать, что «большевизм» как национальное явление» порожден «нужною стыдливостью» и «постоянством Богообщения», от соединения которых жизнь «обесценилась и обесплодилась» (с. 30) (?! — *Рец.*); он пытается даже дать «дедукцию Троичности», утверждая, что «Отец избирает Сына», «избирает и Духа» (с. 51) (?! — *Рец.*). Диалог пересыпается остротами вроде: «от Куликова поля очень недалеко до Царствия Небесного» (с. 10), и анекдотами вроде: «Людовик XV² не стыдился “ventre pellere ventos”³», опираясь на руку дамы. Попробуйте последовать его примеру, гуляя под руку с женщиной. В нынешнее время при растительном питании все следуют примеру короля-солнца» (Людовик XIV?⁴ — *Рец.*)...

Второй диалог изумляет своею пустотою и бесплодием. В рохе гипотетически формулированных, частноутвердительных суждений (может быть, прогресс отчасти есть, а может быть, его отчасти нет; может быть, будет период международных войн etc.) выделяется одна серьезная мысль: «есть своя правда и в фарисействе» (с. 87); и одна, с позволения сказать, «шутка» (с. 79): «мартышки неизменно предаются мастурбации» (с. 78).

Прочтя эту книжку по суровой обязанности рецензента, выносишь впечатление тяжелого сна. Что это такое? Издевательство? Над кем? Над собою? Над читателем? Над издателем? Нет, прежде всего — над *Предметом*. Эти «диалоги» кощунственны не только потому, что они пытаются затушевать бездну между кощунством и некощунством; но и потому, *как* они пытаются сделать это, — превращая самую затею в новое кощунство. Или, может быть, все это сугубое кощунство есть тоже порождение «истинной и нужной стыдливости»?! Но тогда критик *обязан* указать автору диалогов на то, что его «улыбочка» уже перенесена «с определения на определяемое» (с. 17); что *каждое* литературное деяние есть акт *духовной* культуры и что *каждый* акт *духовной* культуры есть в высшем смысле *окончательный* акт мысли и жизни.

В известном отношении автор «Диалогов», однако, прав: *есть* в русском духовном творчестве такой уклон и такой угол,

мимо которого проходишь с отвращением и исследовать который призван психоаналитический метод Фрейда. В этом углу, отнюдь не характеризующем *ни* высоту, *ни* середину, а только *низину*, только лепрозорий русской духовной культуры, все понятия перевернуты и все подходы извращены: здесь стыд бесстыдно подмигивает, а бесстыдство притворяется стыдом; здесь кощунствуют о целомудренном, а нецеломудренное смакуют и «размазывают» (ср. у Достоевского), здесь разврат принимают за религиозное достижение, а религию низводят до разврата. Этот уклон действительно подготовлял все извращения русской революции или, вернее, зловеще предвыявлял ее надвигающиеся мерзости. Придет день, и зоркий критик обнаружит эти залежи революции, скопившиеся до революции. Но вычистить эту духовную проказу можно только великим всенародным религиозно-очистительным делом, огненным и длительным...

Трагедия России была в том, что этот больной уклон духа нашел себе осуществителей, сторонников и апологетов в составе русской интеллигенции; и то, что Достоевский вскрыл как недуг и язву, было подхвачено и насаждено в качестве духовного достижения.

В. Розанов был прав не тогда, когда предавался этому уклону, а когда, обернувшись на свое прошлое, содрогнулся и признал, что его «темы» требуют прежде всего духовной *чистоты ока* и что он сам только напортил, касаясь их. А между тем за ним брели и доселе бредут еще некоторые круги русской интеллигенции, впервые, однако, устами автора «Диалогов» открыто признавшие родство *этого* бесстыдства с бесстыдством революции.

Да, большевистская революция, как Федька Каторжный, «поснимала зеньчуг»⁵ с Божиих икон на Руси. Но «мышь пустил» за стекло иконы именно Петр Степанович Верховенский...⁶

Как хорошо, что эта книжка напечатана по «новой» орфографии...

